

АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ *

Погиб 12 сентября 1943 г.

В ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

12 сентября с. г. во время Новороссийского десанта погиб смертью храбрых писатель, старший лейтенант, коммунист Анатолий Анатольевич Луначарский.

В этой беспримерной по дерзости и трудности операции тов. Луначарский высадился в Новороссийском порту с первым броском. Целью его опаснейшей поездки было — написать ряд очерков для нашей краснофлотской печати. Не удовлетворившись первым походом, тов. Луначарский следующей ночью снова пошел с десантом и высадился на Каботажной пристани, на которой происходили самые тяжелые и кровопролитные бои с врагом. Здесь он и провел последние полтора дня своей жизни. Он был одновременно и писателем, и бойцом, и политработником. В аду непрекращающихся ни днем ни ночью сражений делал он заметки в своей записной книжке, чтобы потом снова взяться за автомат и словом и делом подымать дух наших бойцов.

Оставшийся в живых командир батальона морской пехоты, капитан Кузнецов, рядом с которым тов. Луначарский сражался на Каботажной пристани, отзываясь о нем как о мужественном воине и патриоте.

Долгое время Политическое управление Черноморского флота не имело подтвержденных данных о гибели тов. Луначарского. Известно было, что он был тяжело ранен, но продолжал оставаться в строю. Правда, тов. Кузнецов заявлял о смерти тов. Луначарского самым категорическим образом. Ему доложил один из его бойцов, что «старшего лейтенанта в черной шинели убило». Не удовлетворяясь заявлением тов. Кузнецова, Политическое управление Черноморского флота несколько месяцев вело розыски по всем прилегающим к Новороссийску морским и армейским госпиталям. Нигде не было обнаружено никаких следов пребывания тов. Луначарского, и приходилось с прискорбием констатировать, что тов. Луначарский погиб в боях за Родину.

С самых первых дней войны находился он в рядах Действующего Черноморского флота. Он работал в многотиражных газетах 7 бригады морской пехоты, сражавшейся под Севастополем, бригады траления и заграждения, в газете «Красный черноморец», воевал с 83 бригадой морской пехоты на подступах к Туапсе, участвовал на кан(онерской) лодке «Красная Грузия» в труднейшей десантной операции в районе Южной Озерейки в ночь с 3 на 4 февраля с. г., а на другую ночь в высадке десанта в Станичке под самым Новороссийском.

Во всех этих операциях тов. Луначарский показал себя мужественным воином, инициативным писателем и отличным боевым товарищем. По

* Публикация В. Д. Зельдовича.

боевой характеристике приняла его парторганизация канонерской лодки в члены ВКП(б).

За время войны тов. Луначарский написал множество очерков, стихов, песен для джаза, написал историю бригады морской пехоты. Он заканчивал пьесу о моряке-черноморце и с большой любовью и тщательностью собирал материалы для романа о боях за Крым.

Вся его боевая жизнь — прекрасный образец честного и беззаветного служения Родине. За участие в боях против гитлеровских войск тов. Луначарский награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Севастополя»¹.

После его смерти остались без средств к существованию его мать, жена и двое детей. Считаю необходимым просить Президиум Союза советских писателей возбудить перед правительством ходатайство о назначении семье погибшего писателя-бойца персональной пенсии. Тов. Луначарский вполне заслужил ее.

Начальник отдела агитации и пропаганды
 Политического управления Черноморского флота
 полковник Д. К о р н и е н к о

6. XII. 1943

¹ Эти награды Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян передал 7 мая 1965 г. в Кремле членам семьи А. А. Луначарского — вдове Елене Ефимовне и дочери Анне Анатольевне Луначарским (см. «Правда», 1965, № 128, 8 мая).

ИЗ ДНЕВНИКА

30/VII 41. 10 часов 59 минут. 38-й день войны.

Итак — я в первой моей боевой операции. Вышли охотиться за подводной лодкой, обнаруженной в нашем районе. Иду на тральщике. Вскочил на него перед самым его отходом, еще не зная характера операции. Если ночь пройдет благополучно — утром будем вытраливать мины. Веселая работа. На борту торпеды и множество глубинных бомб, оранжево-алые вешки и параваны*.

Сегодня я оформил материал для радиогазеты и подобрал для нее замечательный сигнал. Вчера отпечатали «Бдительную вахту». Первый номер многотиражки, в котором чувствуется и моя капля меду. Сегодня Бобков¹ после ряда исправлений, которые я выполнил быстро и ладно в материалах радиогазеты по его замечаниям, предложил мне выйти в море, причем не на тральщике, а служебной шхуне.

Узнаю, что один из тральщиков, стоящих на приколе, уходит в дозор на ночь. Бросаюсь туда. Скок-скок! и я на тральщике! Однако мне заморочили голову, и я скок на другой. А, оказывается, уходил-то первый. Я было остался, да тут шел катер за командиром. Я подозвал катер, и он доставил меня сюда. Люди здесь смелы и любезны. Ухожу снова на палубу, а то в кают-компаний жарко.

31.VII. 41 г. 39-й день войны.

К роману²: «Когда Любим в тот вечер выходил в море (впервые на военном корабле), закат был зловец и романтичен: над блекло-сиреневым поблескивающим морем пылал оранжевым пламенем край неба. А на фоне этого огня бесшумно сражались пепельно-серые призраки драконов, коней, рыб...

В море шли корабли-транспорты, военные катера-охотники. Рисунок их был резок... А утром был такой нежный жемчужный восход! Море

* Параван — буюк особого устройства, часть корабельного противоминного охранителя.

А. А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография, 1941

Собрание В. Д. Зельдовича, Москва

серебряно-розовое лишь чуть-чуть трепетало, а небо теплилось перламутровыми тонами, похожее на огромную раковину, покрывшую весь мир.

И так весело вдруг прокувыркалась мимо дружная стая дельфинов... Они мчались, выскакивая из воды и исчезая в ней, взбивая брызги в пену, они резвились с такой беззаботностью.

Еще было несколько водяных птиц... Эти птицы не летали, казалось, а бежали, сломя голову, по розовой воде.

Солнце скрылось где-то за облаками, лишь просвечивая и прорываясь золотом через них. Берега смутно голубели в туманной дымке.

И вдруг бинокль Любима выхватил из безграничности моря какой-то предмет. Корабль подходил все ближе... Что это бревно? Какой-то сверток? Скоро Любим разобрал, что это такое. Раздутый труп в лиловой майке, черных трусах, с желто-белыми голыми ногами и обнаженным животом лениво покачивался на волнах.

Вражеские подлодки... Корабль входил в район трупов и обломков. Одна перевернутая шляпка... Другая... Гады! Вы за это поплатитесь, мы заставим вас остаться на дне!»

3.IX.41 г. 73-й день войны.

Особых событий за это время не было, если не считать налета на Севастополь вражеских самолетов. Я сидел в новой комнатке редакции (нас перевели из отвратительного закутка в доме политотдела в отдельный домик, где мы получили две комнатки на трех — «нас», я разумею многотиражку) и занимался английским. Часов 9—10 было. Вдруг — гудки, потом «изящный Ширкин» (нач. клуба) по радио заорал: «Воздушная тревога!!..» Я забежал к нам в общежитие, где как-то мельком заметил каску, надел ее и пошел в капитанскую рубку одного из МО (морской охотник-катер), стоявшего у «стенки». Страху никакого я не испытывал, а только интерес, очень острый, азартный.

По горизонту вспыхивали и бродили пики прожекторов. Над далекой плав-батареей прыгали огоньки разрывов снарядов, оранжевые, веселые. Потом прожектора вдруг «вцепились» в серебристую «моль» — самолет. Поймал его широкий, мощный прожектор со стороны Балаклавы. Прожектора все скрестились на самолет и залили его белым светом. Они как бы «вели» его к нам. Со стороны Севастополя стали взлетать огненные фонтаны запитных очередей. Палили пулеметы, автоматы, большие пушки.

Я смотрел в ночной бинокль, и мне самолет казался особенно низко летящим. Снаряды скакали вокруг него, как собаки вокруг зверя, но не попадали. Яцкин³ из себя выходил от азарта и злости. Трепал меня за плечи, стонал и мешал мне. Потом вдруг грохнул «чудовищный» выстрел, все стало желтым на мгновение. Я был уверен, что видел, как снаряд попал в самолет и того разорвало на клочки. Но это было ошибкой. Самолет не подбили.

Потом все погасло. И опять луна царила на небе — большой, спокойный, насмешливый кусок серебряного льда... Я видел в бинокль ее горы и моря. ... А когда смотрел на звезды, они подмигивали мне зелеными, синими и красными вспышками. А в море смеялись лунные алмазы — как давно-давно в порту Сухуми.

Потом снова забегали прожектора, снова поймали самолет и «повели». И опять рвались снаряды вокруг него. Но он вел себя особенно нагло, совершил круг над нашими головами, дал очередь по прожекторам из носового и хвостового пулеметов, а потом улетел. Я ясно различил черные кресты на оранжевом поле возле концов его крыльев. Два других налета были похожи на этот, только с той разницей, что во второй раз я не нашел каски и получил защиту для головы уже на катере. А в третий раз на катере не было каски, так что я стоял, рискуя погибнуть от осколков наших же снарядов. Я не думал о риске, но на другой день, когда Яцкин притащил здоровенный осколок — граммов 100—150, я понял, что такие штуки могут кончиться плохо, и стал раздобывать себе каску, но пока безуспешно.

¹ Бобков — полковой комиссар, начальник политотдела ОВРа.

² Запись относится к незавершенному роману «О юность, юность», над которым в период войны продолжал работать А. А. Луначарский. Рукописные материалы к этому роману хранятся у его вдовы Е. Е. Луначарской.

³ Яцкин — редактор газеты ОВРа «Бдительная вахта».

СТИХИ

ЧЕРНАЯ ХМАРА

Нас в бою прозвали черной хмарой.
 Ярости свинцовой ураган
 Смертоносным гибельным ударом
 Мы обрушиваем на врага.
 К извергам не знаем мы пощады!
 Сердце — гнева огненный комок!
 Бей, моряк, громи фашиста-гада,
 Так, чтоб он и ног не уволок!
 Мы пришли от пенистой лазури,
 От соленых штормовых ветров,
 Чтоб свирепой черноморской бурей
 Разметать коричневых воров.

ПОВЕДУ В СРАЖЕНЬЯХ КУЮТ
 Всю свою ненависть,
 В стальной . . . всю свою силу
 . . . собери
 . . . кулак!
 Просторы цветущие
 . . . Родины милой
 Кровавый
 . . . терзает враг!
 За нашу свободу,
 . . . за честь,
 . . . за Отчизну,
 За творчество,
 . . . за любовь
 Мы в битве готовы
 . . . отдать свои жизни,
 Пролить
 . . . свою жаркую кровь!
 Так выше
 . . . родное
 . . . багряное
 . . . знамя!
 Греми,
 . . . орудийный
 . . . салют!
 Победа
 . . . сама
 . . . не дается!
 . . . Мы знаем:
 Победу
 . . . в сраженьях
 . . . куют!

Газета 7 бригады морской пехоты «В бой за Родину», 1941, № 14, 17 октября.